

Вы вдумайтесь в простые эти строки:
Что нам романы всех времён и стран?
В них есть бараки, длинные, как сроки,
Скандалы, драки, карты и обман!

Из песни Высоцкого «Лучшая книга»

Магазины можно считать персонажами многих художественных произведений. Если говорить о неодушевлённых предметах, то бывает, что их наименования выносят в заголовки и привязывают к ним нить сюжета: «Кортик», «Приключения жёлтого чемоданчика», «Берегись автомобиля» и так далее. Но когда речь идёт о магазинах, нужно сказать, что их названия редко выносят в заголовки, зато магазинам охотно отводят роли второго плана.

Вспомним сериал «Место встречи изменить нельзя». Мы, зрители, с волнением переживаем центральный эпизод фильма — захват банды в переоборудованном милицией магазине — и с облегчением встречаем «хеппи-энд»: горбатый главарь взят с поличным, проблемный бандит, бывший разведчик Левченко нелепо погибает и уходит из сюжета, Глеб Жеглов и Володя

Шарапов счастливо сжимают друг друга в крепких мужских объятиях.

В фильме «Хозяин тайги» магазин, будучи роковым персонажем второго плана, внёс в действие остроту и драматизм — его грабят со взломом. В нашем восприятии слово «взлом» естественным образом созвучно со «злом». И недаром: магазин мстит. Справедливая кара в последний момент настигает злодея.

Кинокомедия «За витриной универмага», снятая режиссёром Самсоном Самсоновым в 1955 году, повествует нравоучительную историю о том, как молодые

сотрудники универмага разоблачают действия плохих людей и восстанавливают доброе имя несправедливо подозреваемых хороших людей. Отметим, что действие происходит не в окопах, а в универмаге. Это означает, что в то, по сути, ещё послевоенное время фильм направил вектор внимания общества на магазин, где, оказывается, тоже «есть место подвигу».

А какой захватывающий сюжет разыграла жизнь с директором гастронома «Елисейский»! Все советские люди, затаив дыхание, следили, говоря современным языком, за «мыльным» сериалом под названием «Дело гастронома № 1».

Напомним, что в конце девятнадцатого века дом под номером четырнадцать по улице Тверской приобрёл купец-миллионер Григорий Григорьевич Елисеев, известный в деловых кругах, который задумал поразить Москву и Санкт-Петербург невиданными магазинами колониальных и гастрономических товаров. Они должны были явить обеспеченной публике обеих столиц совершенно новый тип торговли — уважительный, почтительный, с богатейшим набором товаров.

При советской власти эту традицию удалось продолжить только Юрию Соколову (директор «Елисеевского» гастронома с 1972 по 1982 год). Но каким образом? Кратко напомним эту историю.

Торговля была и есть система. Не дашь базе — не получишь сам. И так до самых высоких сфер. Откуда же появлялись деньги? Понятно, что не со ста граммов колбасы.

Закупили финское оборудование, наполовину уменьшили потери продуктов при хранении и так далее. Из подобных источников появлялись «лишние» деньги, которые заведомо отдавали

Соколову, он — начальству в горторг, те — дальше. Каждый в этой цепочке имел свой интерес, оттого и крутился. И не за счёт покупателя, и, в некотором смысле, не за счёт государства, а за счёт ума и догадки. Тогда какой социалистической идеей жили? Пусть лучше сгниёт, лишь бы учитывалось. В этом были заложены большие возможности. Нужно только наклониться, поднять их и применить.

Так бывает в нашей жизни. На первый взгляд всё хорошо. При Соколове товарооборот магазина возрос с тридцати до девяноста четырёх миллионов рублей в год. Имелись прекрасные производственные показатели. Гастроном № 1 стал легендарным... Но «если посмотришь с холодным вниманием вокруг», то — расстрел!

Во время ареста Соколов вёл себя совершенно спокойно. Факт получения взяток отрицал, утверждая, что ему просто возвращали долг. Не потерял самообладания и в камере следственного изолятора в «Лефортово». Меняющимся сокамерникам говорил, что всё происходящее — чистое недоумение. Соколов молчал, а также молчали те, кто понимал, что его арест — дело вовсе не хозяйственное, а политическое, поскольку деньги уходили «наверх». Шёл интенсивный сбор компромата на того, кто не без основания считал себя правопреемником стареющего Брежнева, — Гришина.

Соколов молчал. Зато говорила Москва. По слухам, у руководителей торговли изъяли ценности на миллионы рублей. На их дачах найдены металлические бочки с обветшавшей валютой и книжки вкладов в зарубежные банки... Соколов начал давать показания двадцатого декабря 1982 года, сразу после смерти Брежнева и прихода к власти Андропова. Перед КГБ была поставлена чёткая цель: Соколов должен признать вину в указанной ему форме, а затем дать показания о передаче взяток в высшие эшелоны власти. В ноябре 1983 года дело Соколова при закрытых дверях начал рассматривать Верховный суд СССР. Соколов на суде вёл себя вызывающе и заявил, что стал жертвой внутривластных разборок. Однако западня для него уже захлопнулась. По свидетельству жены, Соколов вообще не защищался. Держался спокойно и достойно. С безразличием выслушал приговор о высшей мере наказания. Писать прошение о помиловании отказался. Он всё понял и принял правила игры «на поражение». После суда к жене подошёл следователь КГБ и растерянно сказал, что не ожидал такого исхода: «Ну, десять-пятнадцать лет... Но расстрел! Это не наше решение, это решение горкома партии».

Так персонаж второго плана определил судьбу главного героя драмы. А ведь он, участник Великой Отечественной войны, отмеченный восемью правительственными наградами, до «Елисейского» работал в таксомоторном парке, много читал, часто бывал в театрах...

Теперь обратим взгляд на нашу жизнь и Красноярск. Здесь мы прослеживаем чёткую роль магазинов как персонажей второго плана в близких нам событиях. Наиболее наглядно это проявилось в лихие девяностые. Помнится, стоял я в очереди

за индийским чаем. В одни руки отпускали две пачки. Очередь продвигалась медленно, сопровождаясь стычками типа «Вы тут не стояли». К хвосту очереди подошли двое — сразу видно, что папашка и сын. Постояли, о чём-то беседуя. Папашка позирался, сориентировался, прошёл ближе к прилавку и присел на ящики. Когда подошла очередь стоящего передо мной молодого человека, он сказал продавщице: «Мне четыре пачки, на двоих». — «С кем?» — подозрительно спросила продавщица. «А вот с ним», — и ткнул пальцем в сидящего неподалёку папашку. Тот уловил направленное к нему движение и вперил вопросительный взгляд в молодого человека. Молодой человек широко, приветливо улыбнулся и помахал рукой. Папашка, однако, не оценил интригу и только мрачно посмотрел в ответ. Четыре пачки ушли к «великому комбинатору». После того, как я купил свой чай, продолжил толкаться в магазине, ожидая финала. Скажу, что была драма. Большая человеческая драма. На папашку чай не отпустили.

Приведу ещё пример. В водочном отделе прорывавшийся без очереди «Голиаф» вскочил на прилавок и заорал в окружающую толпу: «Отойдите, пинать буду, если не дадите купить!» Отхлынувшая толпа увлекла с собой милиционера-«Давида», и «Голиаф» не по-библейски вышел из схватки победителем.